

ТРАУРНЫЙ ЭСТЕТИЗМЪ

И. Ө. АННЕНСКІЙ -- КРИТИКЪ

"Аполлонъ", No 4, 1909

[OCR Бычков М. Н.](#)

"Чтеніе поэта есть уже творчество". Этотъ афоризмъ въ устахъ И. Ө. Анненскаго пріобрѣталь особенное значеніе и какъ бы оправдываль принципъ, положенный въ основу его критическихъ работъ, принципъ крайняго субъективизма.

Читая "Книги Отраженій", прежде всего видишь лицо ихъ автора, его взглядъ, улыбку, слышишь его голосъ, и та внутренняя творческая работа, которую совершаль критикъ-читатель, является какъ что-то зримое и эстетически воплощенное. Нѣтъ, это не аналитическое изслѣдованіе "Гамлета", "Трехъ Сестеръ", "Клары Миличъ" или "Романцero", это тѣни, видѣнія, вызванныя къ новой таинственной жизни читателемъ-чародѣемъ... Да, это -- Принцъ Датскій, но я вижу новый жестъ его, котораго я не видѣль, когда смотрѣль глазами Шекспира; да, это -- Маша, Чеховская Маша, но что-то еще открылось въ ея сердцѣ... "Маша любить, чтобы ей говорили тихимъ голосомъ немножко туманныя фразы, но чистыя, великодушныя и возвышенныя фразы, когда самоваръ потухъ, и въ столовой темнѣеть, а по небу бѣгутъ не то облака, не то тѣни"... И эта Клара Миличъ, конечно, та самая Клара, которую такъ предсмертно воспѣль Тургеневъ, но у нея было и другое имя... Евлалія... "Она сначала пѣла, потомъ перешла на драматическое амплуа,-- и въ тоскѣ любовнаго разочарованія, еще молодой, приняла фосфоръ въ Харьковскомъ театрѣ послѣ перваго акта Василисы Мелентьевой"... А портретъ ея такой: "Брови черныя и почти сросшіяся прямой линіей... И глаза черныя,-- не желтыя, какъ на испанскихъ портретахъ, а именно черныя,-- это глаза-зрачки, трагическіе и самоосужденныя"... А вотъ эти Гейневскіе призраки "Романцero"... Да, они все такъ же плывутъ по таинственнымъ волнамъ:

So traurig schwimmen die Todten...

Но почему же они по иному теперь ужасны и по иному трагичны? Какія странныя "отраженія" разсматриваемъ мы въ этихъ книгахъ! И если въ самомъ дѣлѣ зеркальны эти книги, то не магическое ли стекло поставиль передъ нами мастеръ? Смерть сомкнула его уста, и мы не услышимъ больше его признаній, а въ его книгахъ такъ мало разъясняющихъ словъ, и самое сокровенное всегда маскируется улыбкой скептика и эстета... Но какъ далека этотъ эстетизмъ отъ благодушія художественнаго гурманства: воистину, это -- траурный эстетизмъ... Анненскій ничего не хочеть знать до конца, потому что знать до конца значить вѣрить во что-то, быть увѣреннымъ въ чемъ-то. Но никакой вѣры Анненскій не можетъ принять въ силу какой-то странной свой "гордости". Всегда онъ созерцаеть, эстетически созерцаеть -- и только. И въ траурной печали скользять передъ нимъ видѣнія. Это мститъ за себя тайна искусства. "Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ". За траурной завѣсой скрылось р_е_а_л_ь_н_о_е. "Остались только вороны, туманъ и никѣмъ неоплаканныя трупы,-- да съ ними одинокая, безысходно-пустынная душа поэта"...

So traurig schwimmen die Todten...

Иногда поэтъ-критикъ даже не видитъ в_с_е_г_о лица, пригрезившагося кому-то въ его глухой ноци: лишь блеснетъ единая черта, и вотъ уже спѣшитъ поэтъ къ новому образу. Такъ Гейневскій Карль I изъ "Романцero" торопливо проходитъ мимо созерцателя, но, однако, успѣваетъ ранить сердце, потому что при мгновенной вспышкѣ магнія было видно, какъ дрогнули "локоны на осужденной головѣ Стюарта"...

"Чтеніе поэта есть уже творчество". У Анненскаго его читательское творчество всегда и_д_е_а_л_и_с_т_и_ч_н_о. И въ глубинѣ такого идеализма нельзя, должно быть, отыскать начало непреложное. Читая "Книги Отраженій", мы какъ бы входимъ въ міръ иллюзій, и таинственный спутникъ сознательно ведеть насъ въ какую-то обманчивую лунную страну. Про чеховскихъ героев Анненскій говорить: "Всѣ эти люди похожи на лунатиковъ". (1. Стр. 151). То же самое критикъ могъ бы сказать про героев Шекспира, Гейне, Достоевскаго и всѣхъ великихъ, на которыхъ упаль его взглядъ. И онъ